

Научная статья

УДК 94(47)“18”

DOI: 10.32516/2303-9922.2025.55.10

Мероприятия Оренбургской пограничной администрации по установлению мирной обстановки в Младшем жузе в первой половине XIX века

Игорь Русланович Прохоров

Национальный архив Республики Казахстан, Астана, Казахстан, prohorov1974@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5952-3867>

Аннотация. В статье на основе архивных и опубликованных исторических источников рассматривается продвижение России через степи Младшего жуза к Центральной Азии. За изучаемое время Россия переходит от обороны своих пограничных линий в Южном Приуралье к строительству укреплений на границах со странами региона. Для обеспечения безопасности торговых караванов в Хиву, Бухару и Коканд, усиления своей роли в регионе российская администрация старалась привлечь на свою сторону казахский правящий класс султанов-чингизидов, а также родоправителей. Немалые усилия предпринимались российской администрацией для примирения враждующих казахских родов, пресечения баранты (угонов скота), разграничения путей кочевания казахов разных родовых подразделений для прекращения конфликтов. Важнейшей мерой усиления позиций в регионе стало строительство военных крепостей. Вместе с тем российская администрация считала, что главным препятствием для установления власти России в Младшем жузе являлась Хива, которая поднимала казахов на борьбу с Россией. В этом же ключе рассматривались действия в регионе восставшего султана Кенесары Касымова. Считалось, что его движение во многом инспирировано центральноазиатскими государствами.

Ключевые слова: Младший жуз, Оренбургская пограничная комиссия, военный губернатор Оренбурга, Хива, Российская империя.

Для цитирования: Прохоров И. Р. Мероприятия Оренбургской пограничной администрации по установлению мирной обстановки в Младшем жузе в первой половине XIX века // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2025. № 3 (55). С. 159—173. URL: http://vestospu.ru/archive/2025/articles/55/10_55_2025.pdf. DOI: 10.32516/2303-9922.2025.55.10.

Original article

The activities of the Orenburg Border Administration to establish a peaceful environment in the Junior Horde in the first half of the 19th century

Igor R. Prokhorov

National Archive of the Republic of Kazakhstan, Astana, Kazakhstan, prohorov1974@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5952-3867>

Abstract. Based on archival and published historical sources, the article examines Russia's progress through the steppes of the Junior Horde to Central Asia. During the time under study, Russia is moving from defending its border lines in the Southern Urals to building fortifications on the borders with the countries of the region. To ensure the safety of trade caravans to Khiva, Bukhara and Kokand, and to strengthen its role in the region, the Russian administration is trying to attract the Kazakh ruling class of the Chingisids' sultans, as well as the tribal rulers, to its side. Considerable efforts are being made by the Russian administration to reconcile the warring Kazakh clans, to stop baranta (cattle rustling), and to delineate the ways of nomadic Kazakhs from different tribal divisions in order to end conflicts. The most important measure to strengthen positions in the region is the construction of military fortresses. At the same time, the Russian administration believed that the main obstacle to

© Прохоров И. Р., 2025

the establishment of Russian power in the was Khiva, which raised the Kazakhs to fight against Russia. The actions of the rebellious Sultan Kenesary Kasimov in the region were considered in the same vein. It was believed that his movement was largely inspired by the Central Asian states.

Keywords: Junior Horde, Orenburg Border Commission, military governor of Orenburg, Khiva, Russian Empire.

For citation: Prokhorov I. R. The activities of the Orenburg Border Administration to establish a peaceful environment in the Junior Horde in the first half of the 19th century. *Vestnik of Orenburg State Pedagogical University. Electronic Scientific Journal*, 2025, no. 3 (55), pp. 159—173. DOI: <https://doi.org/10.32516/2303-9922.2025.55.10>.

Введение

В настоящее время историография истории вхождения казахских земель в состав Российской империи представлена диаметрально противоположными оценками. Современная казахстанская историография рассматривает этот процесс как колонизацию, отрицая его добровольность.

Для казахстанских историков фундаментальным остается определение академика Национальной Академии наук Казахстана Манаша Козыбаева: «...колониализм не имеет человеческого лица, колониализм и гуманизм — антиподы, зло малое и большое, оно олицетворяет национальный гнет, грабеж природных богатств, геноцид. Колониализм, неоколониализм как зло подлежат осуждению» [2, с. 108—109].

Как утверждают казахстанские историки, политика России в Младшем и Среднем жузах в первой половине XIX в. привела к крупнейшему национально-освободительному движению против колониализма под руководством хана Кенесары Касымова. В 1845 г. руководитель восставших согласился принять протекторат России лишь в том случае, если будет остановлена дальнейшая постройка русских крепостей в казахской степи, возвращены захваченные земли, прекратятся экспедиции русских военных отрядов по казахским аулам [32, с. 126].

Современные казахстанские историки настаивают на непреходящем значении личности последнего казахского хана Кенесары Касымова и возглавленного им национально-освободительного движения 1837—1847 гг. для национальной государственности казахов [18, с. 66].

В казахстанской историографии оно неизменно расценивается как национально-освободительное движение против колониализма [17].

Российские исследователи считают, что в процессе колонизации приграничных территорий местная российская администрация старалась проводить гибкую этническую политику. Усилия государства были направлены на обеспечение лояльного отношения к нему местного населения [29, с. 104].

По мнению российских историков Л. М. Дамешека и А. В. Ремнева, для национальных историографий бывших союзных республик нахождение в Российской империи представляется сейчас лишь тягостным временем, в котором просыпалась, зрела, боролась за независимость та или иная нация. Вопрос о мотивации российских властей почти никогда не ставится, видимо потому, что на веру принимается утверждение об их желании сделать жизнь своих нерусских подданных как можно более несносной. Но на самом деле российские власти старались действовать в интересах местных народов [34, с. 5].

По убеждению российского историка В. П. Зиновьева, в отличие от концепции американского фронта, означавшего борьбу с варварами и их уничтожение, русская модель отношений с местными народами означала их «замирение» и включение в даннические отношения [10, с. 16].

Таким образом, современные российские историки считают, что интересы местного населения при колонизации учитывались [30].

В советской историографии оценки процесса вхождения казахских земель в состав России менялись в зависимости от политической обстановки. До Великой Отечественной войны, в эпоху отрицания советской властью всего русского, историография относилась к политике империи в регионе с изначальным недоверием, отвержением всякого рода положительных моментов.

К примеру, исследователь П. П. Иванов, анализируя казахско-русские отношения, пишет, что, назвав присырдарьинских казахов своими подданными и считая защиту их от кокандцев обязанностью русского правительства, царское командование таким путем стремилось оправдать свои захваты казахской территории. Однако, по его словам, начавшиеся восстания казахских племен в тылу занятого царскими войсками края лучше всего свидетельствовали, насколько сочувственно относились казахи к оказывавшейся им защите [14, с. 128].

В советской историографии после Великой Отечественной войны до середины 1980-х оценка восстания Кенесары как реакционно-монархического, направленного на консервацию отсталости казахских земель и отрыв их от России, сохранялась неизменной. Вхождение казахских земель в состав России считалось прогрессивным событием [1, с. 144].

Значительный вклад в изучение процессов усиления России в Младшем жузе внес казахстанский советский историк Ермухан Бекмаханов. В своей книге «Казахстан в 20—40-е годы XIX века», увидевшей свет в 1947 г., он называет движение Кенесары Касымова освободительным, за что был подвергнут резкой критике и преследованиям [4].

На наш взгляд, политика России в Младшем жузе в первой половине XIX в. нуждается в дополнительном изучении. Целью статьи является выявление основных ее результатов. Для достижения цели исследования была поставлена задача проанализировать основные мероприятия и методы российской администрации.

В статье применен ретроспективный метод исторических исследований, позволивший проследить изменения на территории Младшего жуза в первой половине XIX века.

Актуальность темы определяется необходимостью укрепления добрососедских отношений между Республикой Казахстан и Российской Федерацией, народами двух стран, объективного понимания совместного исторического прошлого.

В основу исследования положены архивные документы из фонда Ф-6 «Канцелярия Оренбургского генерал-губернатора (1771—1881)» Объединенного государственного архива Оренбургской области» (ОГАОО), материалы Государственного архива города Астаны Республики Казахстан (ГАГА), свидетельства современников событий, работы российских исследователей, военных и ученых.

Новизна статьи определяется введением в научный оборот ранее не использованных архивных материалов. Среди них «Переписка с ханом Меньшей орды о восстановлении спокойствия и порядка, прекращении междоусобиц среди родов и улучшении благосостояния беднейшего киргиз-кайсацкого [казахского] народа» [25].

В этом деле, в частности, сохранились сообщения сотника Оренбургского казачьего войска Джапара Абубакирова о ситуации в казахских родовых подразделениях и в Хиве [25, л. 6—16].

Результаты исследования

Дореволюционные российские историки отмечали, что к началу XIX в. на территории казахских степей власть России была призрачной. К примеру, Алексей Левшин писал, что, переходя от границ российских к пределам Хивы или Китая, казахи делались из русских подданных китайскими или хивинскими, а приезжая в Ташкент или Коканд называли себя ташкентскими, кокандскими и прочими подданными. Нападения на рос-

сийские военные линии, угоны лошадей, увлечение в плен людей, разграбление караванов, сражения с российскими отрядами ясно показывали, какое понятие казахи имели о своем подданстве России [19, с. 362].

К началу XIX в. казахские земли находились в состоянии децентрализации. Усилились межродовые столкновения, борьба за власть между чингизидами, споры за пути кочевания, что препятствовало стабильности кочевого общества. В этой связи российское правительство предпринимало попытки стабилизировать ситуацию в приграничном Младшем жузе, опираясь на местную потомственную аристократию — правителей султанов-чингизидов. Это было необходимо для обеспечения интересов империи в регионе, в частности, для развития торговых связей со странами Центральной Азии, обеспечения безопасности Оренбургской пограничной линии.

Важными методами российской администрации стали примирение враждующих казахских родов, пресечение взаимной баранты (грабежей, угонов скота), разграничение путей кочевания для предотвращения конфликтов.

Так, в октябре 1804 г. председатель ханского совета Младшего жуза (Орды) султан Букей Нуралин сообщил оренбургскому военному губернатору Григорию Волконскому, что он в Мергеновском форпосте собирался советоваться с султанами Каратаем, Урманом и родовыми старшинами о том, как установить в казахском народе порядок, тишину и спокойствие, разобрать обоюдные претензии, случаи баранты. Тем самым Букей, по его словам, собирался выполнить верноподданническую к российскому императору обязанность. По причине болезни Букей Нуралин вернулся в свои аулы, но оставил вместо себя в форпосте своих братьев Урмана и Ишигая, которые обязались о всех происходивших на Оренбургской пограничной линии событиях докладывать военному губернатору Оренбурга [23, л. 2, 2 об.].

В свою очередь, управляющий байулинским родом султан Каратай Нуралин проинформировал Григория Волконского о том, что он призвал на реку Уил руководителей родовых отделений Младшего жуза. Благодаря стараниям этого султана родоправители согласились возместить убытки за убитого в степи российского купца Губая Шихмуратова. Как виновные, так и невинные в грабеже его имущества родовые подразделения дали слово заплатить по 100 баранов с каждого рода в качестве компенсации, доставив их на меновой двор Оренбурга. Родоправители также высказали пожелание сопровождать русские торговые караваны в Среднюю Азию и дали слово, что обеспечат их безопасность. «Сии рода также приохочивал я, чтобы они ехали на мену в Оренбург», — сообщал Каратай Нуралин Григорию Волконскому [23, л. 6].

Для установления порядка в степи предпринимались и более решительные меры. Так, по сообщениям Оренбургской пограничной комиссии (в нее входили казахские и русские представители), в том же 1804 г. близ крепости Ильинской были задержаны укрывавшиеся в лесу 4 казаха китинского рода. На допросе они признались, что отлучились из своих кочевий для воровства лошадей у казахов джагабайлинского рода. В этой связи Оренбургская пограничная комиссия просила разрешения у Г. Волконского наказать задержанных плетью при собрании простых казахов, султанов и старшин с подтверждением, чтобы виновники «впредь воздерживали себя от всяких шалостей и воровства, а вели бы жизнь свою на честных правилах» [24, л. 1—2].

Российский подданный, хан Младшего жуза Жанторе также пытался разобраться в междоусобной баранте казахов, кочевавших при реке Хобде [26, л. 7 об.]. Жанторе сообщал Волконскому о своем намерении приступить к генеральному разбирательству междоусобной баранты, к доставлению каждому обиженному удовлетворения возвращением

того, что у кого отнято, прекращению личных друг на друга неудовольствий и к восстановлению в Младшей Орде порядка и спокойствия [26, л. 8 об.].

В меру своих возможностей защищали интересы своих соплеменников заседатели от казахов в Оренбургской пограничной комиссии. Впрочем, и сама комиссия вставала на сторону казахов, обвиненных в воровстве скота без предъявления четких доказательств. Если же обвинение подтверждалось, то подсудимых могли отпустить при условии возмещения ущерба пострадавшим. В любом случае наказания старались смягчать [8, с. 88].

Одной из мер для установления мирной обстановки в степи стало размежевание земель между западносибирскими и оренбургскими казахами. Командированный для размежевания земель чиновник Ситников в августе 1840 г. сообщал командиру отдельного сибирского корпуса полковнику Фалецкому, что граница между западносибирским и оренбургским ведомствами проведена до Аман-Карагайского приказа, и что волостные управители аргынского рода, состоявшие в ведомстве Аман-Карагайского приказа, объявили желание перейти в оренбургское ведомство, поскольку лучшие их зимовки после проведения границы остались там [11, л. 14].

При межевании земель старались учитывать интересы казахов обоих ведомств — Западно-Сибирского генерал-губернаторства и Оренбургского края [12, л. 280 об.].

Оренбургский военный губернатор Петр Эссен в 1825 г. сообщил, что среди оренбургских казахов, кочевавших сопредельно с сибирским ведомством, никаких возражений против открытия внешних округов, куда вошли казахи бывшего Среднего жуза, не было. Что же касается казахской степи оренбургского ведомства, то ее Эссен разделил на три части, из которых первую часть составили казахи Средней орды, кочевавшие от Звериноголовской крепости через Троицкую до Степной крепости [12, л. 283].

Однако российским интересам в регионе препятствовали не только внутренние неурядицы казахов, но и Хива, считавшая казахов Младшего жуза своими подданными. Это государство сопротивлялось планам России установить свою реальную власть в Младшем жузе, настраивала против нее казахов. Хива также активно препятствовала интересам России в Центральной Азии. К примеру, в 1824 г. хивинский хан Мухамет-Рахим организовал нападение туркмен и хивинцев на русский купеческий караван, отправленный в Бухару под военным прикрытием. Кроме того, он регулярно грабил подданных России казахов Младшего жуза. Его преемник — хан Алла-Кул — продолжил противодействие России. Много лет хивинцы поощряли казахов к грабежам и захватам русских в плен [16, с. 102].

Оренбургский историк XIX в. Николай Середа, работавший в архиве губернского правления, также считал, что главной причиной восстаний казахов Младшего жуза против русской власти была Хива. По его словам, все зачинщики беспорядков в степи, преследуемые российскими войсками, всегда находили там безопасное убежище и радушный прием. За такое покровительство хивинский хан посылал своих агентов для сбора с казахов Младшего жуза налогов [33, с. 540].

Характерно в этом вопросе архивное дело 1805 г. «Переписка с ханом Меньшей орды о восстановлении спокойствия и порядка, прекращении междоусобиц среди родов и улучшении благосостояния беднейшего киргиз-кайсацкого [казахского] народа» [25]. В нем сохранились донесения сотника Оренбургского казачьего войска родом из Каргалинской станицы Сеит-Джапара Абубакирова, побывавшего в казахских родовых подразделениях на Сырдарье и в государстве Хива [25, л. 6]. В частности, он посетил родоправителей алимулинского рода и призвал их по поручению Оренбургской пограничной комиссии подчиниться хану Жанторе и быть вместе с Россией. Как сообщил сотник, правитель этого рода султан Абулгазы Каипов заверил его в преданности хану и России [25, л. 6 об.].

Воспользовавшись этим, Сеит-Джапар Абубакиров под видом муллы алимулинского рода отправился в Хиву, где ему удалось попасть на прием к хану. Он также негласно встретился с биями [правителями] города Кунград. Они находились в Хиве в заложниках и сообщили сотнику о своем тайном намерении привести Хивинское государство в российское подданство. Сотник также выяснил, что убийца российского купца Губая Шихмуратова, некий батыр Дулат из байулинского рода, черкасского отделения, скрывался в Кунграде. Бии пообещали сотнику выдать убийцу России, а затем сами сбежали из хивинского плена. За время своего сорокапятидневного пребывания в Хиве сотник Абубакиров собрал важную информацию о вооружениях и положении дел в этом среднеазиатском государстве, противодействовавшем России [25, л. 8].

По его данным, город Хива был окружен глиняной стеной, караул вокруг города и в самой крепости при хане полностью состоял из пленных и беглых россиян количеством до 500 человек. Письма от трех важных российских пленников Сеит-Джапар Абубакиров впоследствии передал оренбургскому военному губернатору. Также сотник стал свидетелем привода в Хиву для продажи 41 русского пленного и 9 российских калмыков, захваченных казаками байулинского рода адайского отделения с морских рыбных ватаг на Каспии. Кроме того, ему удалось выкупить из плена крестьянина Федора Николаева, уговорить вернуться в Россию нескольких беглых татар и одного башкира. Вместе с ними, при помощи доверенного ему хивинца, он отправился в обратный путь [25, л. 8 об.].

Сначала Сеит-Джапар Абубакиров со своими спутниками плыл в лодке по Амударье, из нее попал в Аральское море, добрался до берега, где располагались кочевья казахов чиклинского рода [25, л. 9].

После долгого странствия по степи, где путников спасли от голода, дали теплую одежду и лошадей казахи чумекеевского рода, одиссея сотника Абубакирова благополучно закончилась в Оренбурге [25, л. 10—10 об.].

На наш взгляд, всемерная помощь, оказанная ему разными родами Младшего жуза, показывает, что казахи помогали россиянам в надежде избавиться от притязаний Хивы.

Несмотря на меры по примирению казахов, усилий по установлению мирной обстановки в Младшем жузе, к началу 1820-х годов российской администрации стало окончательно понятно, что опора на хана Младшего жуза для нормализации ситуации, обеспечения интересов империи себя не оправдывает в силу слабости ханской власти, отсутствия у нее авторитета среди племен.

Еще в 1785 г. племена Младшего жуза просили об избавлении их от власти своего хана и о принятии в непосредственное управление российских властей, но просьба народа была оставлена без рассмотрения [35, с. 84].

Попытка реформирования управления Младшим жузом предпринималась и до этого, в XVIII в., симбирским и уфимским генерал-губернатором О. А. Игельстромом. Он предлагал ликвидировать ханскую власть в Младшем жузе и заменить ее правлением султанов. Данная проблема изучалась историком С. В. Любичанковским [20].

Характерны в этой связи высказывания российского военного историка XIX в. Михаила Терентьева о том, что более ста лет Россия пыталась, и вполне бесплодно, удерживать в повиновении казахов при посредстве их ханов, насильно подчиняя этим ханам даже те отдельные роды, которые предпочитали управляться выбранными ими самими правителями, выдвинувшимися из народа благодаря только личным достоинствам, а не по наследству. Чтобы укоренить у казахов понятие о важности ханского звания и его наследственности, российская администрация нарочно преувеличивала значение ханов, устраивала им нечто вроде коронации, осыпала подарками, снабжала гвардией из казаков, строго наказывала их подданных за непочтение и неповиновение. Покончить с

этой неудачной практикой в Младшем жузе удалось лишь с преобразованием управления Оренбургского края [35, с. 91].

В «Утвержденном мнении Комитета азиатских дел относительно преобразования управления Оренбургским краем» говорилось, что Младший жуз, подведомственный оренбургскому военному губернатору, делился на четыре округа: 1-й внутренний, под управлением хана Джангира Букеева, а также 2—3-й и 4-й внешние, или зауральские округа. Наблюдение за этими последними тремя округами было вверено избраным старшим султанам [22, с. 210].

Как отмечает исследователь Г. Б. Избасарова, реформа предусматривала назначение всех местных начальников по выбору российской администрации. Был введен институт султанов-правителей. Привлечение на службу Российской империи местной элиты стало эффективным элементом механизма управления окраиной [13, с. 118].

Прогрессивное значение подобных преобразований, получивших общее название «уставы», для кочевников исследовали российские историки Л. М. Дамешек и И. Л. Дамешек. Они особо подчеркивали важность уравнивания рядовых кочевников в правах с российскими крестьянами, привилегий для султанского сословия, создания возможностей для развития торговли, культуры и медицины в кочевом обществе [9].

К примеру, в Положении об управлении Оренбургскими казахами, принятом 14 июня 1844 г., говорилось, что для прививания предохранительной оспы и для подачи казахам простейших медицинских пособий находились при султанах-правителях по одному фельдшеру из казахов же. Фельдшеры выбирались из учеников Оренбургского военного госпиталя и поступали на службу после экзаменов [22, с. 217].

Однако реформы вызвали недовольство Хивы. Вызывающим было письмо хивинского хана Рахимкули российским подданным, султанам-правителям оренбургских казахов Баймухаммеду Айчувакову и Араслану Джантюрину в декабре 1844 г. Хан писал: «С великим государем-императором России мы связали вечно нерушимую дружбу, взяв в том друг от друга присягу, чтобы он в моих, а я в его подданных не вступался. Главнейшие из родов [оренбургских казахов]: алимулинский, байулинский и табынский — с древнейших времен платили Хиве зякет и из Хивы получали все нужное для них. Пусть этих племен [русские] не касаются, а сохраняя долг присяги свято, передадут потомству союз дружбы» [15, с. 61].

В свою очередь, российское правительство в переговорах с Хивой твердо настаивало на признании всей территории Младшего жуза владением империи. В инструкции подполковнику Данилевскому, посланному в 1842 г. в Хиву, указывалось, что река Сырдарья, северные берега Аральского моря и северный склон Устюрта составляют государственную границу России, и что хивинские сборщики налогов не должны ее переходить и собирать с подвластных России казахов зякет [4, с. 156].

Однако в гораздо большей степени, чем противодействием Хивы, интересы России в казахских степях, а также торговые связи со странами Средней Азии были поставлены под угрозу начавшимся в 1837 г. восстанием в Среднем жузе султана Касыма Аблаева и его детей — Саржана и Кенесары Касымовых. Российские источники подчеркивают, что восставших снабжали оружием правители Коканда и Хивы [31, л. 44].

В этой связи осложнилась ситуация с пленением русских военных и гражданских лиц и последующей продажей их Кенесары Касымовым в рабство в Хиву, Бухару и Коканд. Сохранились некоторые данные 1858 г. об освобожденных из плена русских людях. Среди них был Иван Марченков, 45 лет от роду, казак Сибирского войска 7-го полка. Он был взят в плен в 1839 г. при урочище Джаркаин, близ реки Ишим, казахами-привержен-

цами Кенесары. Через полтора месяца после пленения был подарен Кенесарой бухарскому эмиру [7, с. 45].

В плен и рабство попадали не только в результате участия в боевых действиях. К примеру, русский солдат Василий Пшеничников, которому в 1818 г. исполнилось 23 года, служил в линейном Оренбургском батальоне, расположенном в Троицке, в 4-й роте. Он был взят в плен во время рыбалки. Похитители увели его за реку Тобол. Там Василий находился 6 месяцев, потом был отвезен в Бухару и продан купцу за 30 червонцев и лошадь. В плену пробыл более 40 лет [7, с. 67].

Верные России казахские разведчики 8 августа 1839 г. сообщили председателю Оренбургской пограничной комиссии Григорию Генсу о событиях, произошедших в Западно-Сибирском генерал-губернаторстве: «...вышедший из Кокчетавского приказа военный отряд взял до основания аул убитого кокандцами сына мятежного султана Касыма Саржана и также аулы других приверженных Касиму и сыну его Кенесары киргизов, как-то кидель-кипчаковцев, баганалинцев и прочих. Но аул главного мятежника взят или нет, сведений не доставлено. Касым и Кенесары продолжают собирать с российских торговцев, находящихся в степи, зякет. Они сами берут таковой в весьма небольшом количестве. Однако их тюленгуты [военные слуги] под предлогом, что будто бы их посылают хозяева, собирают весьма большую часть, потому некоторые из [российских] торговцев возвратились из степи совершенно без пользы и с большей потерей» [5, л. 1].

В 1841 г. российским военным удалось окончательно вытеснить Кенесары за пределы внешних округов бывшего Среднего жуза на территорию, подконтрольную оренбургскому военному губернатору.

В этой связи Кенесары написал военному губернатору Оренбурга Василию Перовскому и председателю Оренбургской пограничной комиссии Григорию Генсу: «Согласно всемилостивейшему его императорского величества опубликованному манифесту просьба моя до военного губернатора генерал-адъютанта Перовского, председателя Оренбургской пограничной комиссии генерал-майора Генса, советников Бикмакова и Ванева следующая: с некоторого времени мы жили на одном нашем месте, но начальники сибирской линии не давали нам покоя, вследствие чего мы прикочевали к местам, против Вас лежащим, и, увидев милостивейшее ваше письмо, покоряемся вашей власти. Несколько раз мы посылали к начальникам сибирской линии послами Табылды Туктина, Чусынбая Казангапова, говоря, что оставляем неповиновение против великого государя, но нам их не вернули» [6, л. 3].

Кенесары потребовал от Генса и Перовского: «Вы бы узнали и вытребовали тех людей. Нельзя ли будет также освободить задержанных наших султанов Габдуллу Аблайханова, Кульджана Кучакова и Нурхана Самекина? Но, впрочем, как угодно великим особам Вашим будет. Посылаем биев Сеиф-Мухаммеда Абычева и Акбая Манашева» [6, л. 4].

Прибытие Кенесары со своими сторонниками на территорию оренбургских казахов резко осложнило здесь положение не только российской администрации, но и перешедших на российскую службу казахских султанов.

К примеру, управляющий Восточной частью оренбургских казахов Ахмед Джантюрин 30 июня 1844 г. сообщил о нападении на казахов Акджигита Таимова и Аккуджу Бощина, посланных из отряда войскового старшины Лебедева в Николаевское укрепление с бумагами. У Таимова грабители забрали халат, одеяло, малахай, опояску, седло со всем прибором, узду, подушку и три лошади, ранили его [28, л. 97—97 об.].

Ахмед Джантюрин утверждал, что это кенесаринцы, аулы которых были разбиты отрядом войскового старшины Лебедева [28, л. 98—104].

Российская администрация не жалела средств для привлечения казахской аристократии на свою сторону, в том числе в деле подавления восстания Кенесары. Это был один из методов сохранить и упрочить власть России в казахской степи. Расходы и риски султанов, приверженных России, хорошо оплачивались. Платили даже командировочные за продвижение по степи. К примеру, отправленному по делам службы в крепость Орскую правителю Средней части оренбургских казахов войсковому старшине султану Арслану Джантюрину выплатили прогонные деньги в расчете на 5 лошадей по числу 519 верст в размере 38 руб. 92,5 копейки серебром [28, л. 98, 106].

10 апреля 1844 г. управляющий Восточной частью оренбургских казахов султан Ахмед Джантюрин сообщил Оренбургской пограничной комиссии: «Получено известие, что аул мятежного султана Кенесары Касымова, состоящий из довольно большого количества кибиток, в конце минувшего февраля или начале марта разбит выступившим с сибирской линии отрядом, и отряд этот успел, в числе прочих, захватить старшую жену Кенесары с дочерью, со всем имуществом и бывшим при ауле разного рода скотом» [28, л. 40]. При этом, указывал Ахмед Джантюрин, самого Кенесары в ауле не было, в это время он находился для предосторожности где-то отдельно от своих аулов, располагавшихся в окрестностях речки Джезды-Кенгир [28, л. 40 об.].

В ответ на нападения Кенесары на русские поселки, убийства и разорения преданных России казахов оренбургским военным губернатором и начальником Оренбургской пограничной комиссией предпринимались усилия, чтобы объединить казахов и русских в борьбе с Кенесары, а последнего представить их общим врагом. Эти события нашли отражение и в документальном дискурсе.

Так, оренбургский военный губернатор Владимир Обручев в своих посланиях степнякам разъяснял, что правительством посланы отряды для ограждения казахов от мятежника, потому, писал он, «вы не тревожьтесь, ордынцы, не прерывайте ваших обычных занятий; ваш быт, ваше спокойствие Кенесары не будет допущен нарушить, и как сам он, так и упорные его приверженцы, не внимающие убеждениям правительства и явно неповинующиеся, неминуемо подвергнутся заслуженному наказанию» [28, л. 69 об.].

Война с Кенесары продолжалась с переменным успехом. По убеждению российского военного исследователя Михаила Терентьева, действия российских военных отрядов доказали, что ни дипломатия, ни кротость, ни жестокость не помогали. Российские отряды были бессильны в погоне по степям за ловким и выносливым кочевником. Только строительство постоянных военных укреплений среди казахских кочевий могло исправить ситуацию [35, с. 200].

Владимир Обручев признал необходимым построить в 1845 г. внутри казахской степи два укрепления: на реке Тургае, под именем Оренбургского, другое — на реке Иргизе, названное Уральским. Укрепление Ново-Александровское Обручев перенес в 1846 г. на полуостров Мангышлак, к мысу Тюп Караган, и назвал его Ново-Петровским, при нем была образована укрепленная станица Николаевская [35, с. 203].

По итогам пребывания Кенесары в Оренбургском крае председатель Оренбургской пограничной комиссии Михаил Ладыженский, сменивший на этом посту Григория Генса, отправил 26 сентября 1844 г. ему послание. В нем он укоряет его в неискренности: «Вы, делая вид только, уверяли в письмах в своей готовности к повиновению и преданности за милость к Вам государя, в то же время не оставляли производить в обоих ведомствах [Западно-Сибирском и Оренбургском] грабежи, баранты и убийства. Между многими явно изменническими поступками упоминаю о посылке к биям назаровского отделения письма, в котором требовали Вы признать Вас ханом, угрожая за отказ грабежами. Можете ли Вы после этого жаловаться на противодействие сибирского и оренбургского начальства,

могло ли оно спокойно смотреть на явное нарушение с Вашей стороны тех обязательств, которыми Вы условили его снисхождение и увлекли в напрасное ходатайство о Вашем прощении?» [36, л. 28].

В свою очередь и Кенесары использовал переписку с оренбургской администрацией как важный способ пропаганды своих взглядов. Так, в письме 1844 г. оренбургскому руководству Кенесары, явно рассчитывая на широкую аудиторию читателей, отмечал: «Прежде всего, когда мы, исполняя волю высшего начальства, прикочевали к оренбургской линии, на нас наехал майор Лебедев... Затем сибирский отряд напал на кочевья нашего брата и увлек многих в плен, а еще большее число людей разграбил... Наконец те же сибиряки... увлекли в плен жену нашу и двух родственных султанов. Убеждаясь из всего этого, что милость, объявленная нам государем, недействительна, мы сами вооружились и выжгли русскую станицу, захватив много людей в плен, которых готовы возвратить, если нам будет обещано возвращение всех наших родственников, захваченных в разное время русскими отрядами» [3, с. 482].

Ситуация изменилась в том же 1844 г., когда в Центральной Азии началась продолжительная и ожесточенная война между Хивой и Бухарой. По разъяснениям оренбургского историка Николая Середы, бухарский эмир завоевал Коканд и тем самым навел страх на хивинского хана. Последний, опасаясь возрастающего могущества бухарского владельца, требовал от него освобождения кокандских провинций и восстановления в правах кокандского хана. Последовавший со стороны Бухары отказ послужил поводом к разрыву. Однако эта война довела Хиву до крайнего истощения [33, с. 670].

Война в Центральной Азии привлекла внимание Кенесары. К нему от центральноазиатских правителей направлялись посольства с просьбами оказать содействие. При этом каждый из врагов спешил признать Кенесары ханом казахов. Хивинский владелец позволил мятежному султану покупать и выменивать в Хиве оружие и боевые запасы, разрешил ему избрать любое место для своих кочевков на своей территории, но с тем, чтобы Кенесары не позволял русским строить в степи укрепления. Кенесары же надеялся, что продолжающаяся война доведет центральноазиатские государства до бессилия, пользуясь которым он без труда займет Коканд, объявит себя его ханом. Султан откочевал на реку Чу, к землям потерявшего самостоятельность Коканда. Он покорил ташкентских казахов и начал войну с киргизами, которые входили в состав Кокандского государства [33, с. 672].

Однако в 1847 г. Кенесары потерпел поражение от киргизов в горах Алатау и был убит [33, с. 689].

После этого Россия предприняла ряд дальнейших мер по укреплению своего влияния в казахской степи и продвижению в Центральную Азию.

Особое значение в реализации этих планов имело строительство форта Раим в 60 верстах от устья Сырдарьи в 1847 г. Казахи, кочевавшие по Сырдарье, видели в устройстве этого русского города свое спасение от грабежей Хивы и потому помогали его строить. Как свидетельствует архивное дело об ограблении хивинцами казахов чумекеевского рода, еще в 1832 г. Оренбургская пограничная комиссия разрабатывала меры для защиты присырдарьинских казахов от злодейств их соседа [27, л. 2].

В свою очередь, хивинцы, считавшие эти земли и присырдарьинских казахов своими, начали военные действия, чтобы вытеснить русских. Так, в августе 1847 г. около крепости Джан-кала, находившейся на левом берегу реки, 70-ю верстами выше Раима, появился их отряд численностью в 2 тыс. человек. Его возглавляли хивинский бек Ходжа-Нияз и казахские султаны Джангазы Ширгазыев, называвший себя ханом, и Ирмухамед (Илекей) Касымов. Часть отряда переправилась на правую сторону реки, разграбила более тысячи

казахских семейств, из двадцати одного семейства забрало женщин, стариков и детей, тридцать младенцев бросила в воду, умертвила четырех караульных батыра Джан-Ходжи, известного своей непримиримой ненавистью к хивинцам, и после этих неистовств возвратилась на левую сторону реки к своей крепости [21, с. 19].

Начальник Раимского укрепления подполковник Ерофеев, узнав от Джан-Ходжи о преступлениях хивинцев, явился против Джан-калы 23 августа с отрядом в 200 оренбургских казаков и солдат, при двух орудиях. К нему присоединился батыр Джан-Ходжа с 700 казаками. Ерофеев, вызываемый на бой открытием хивинцами пальбы по отряду, немедленно ответил им сильным ружейным и картечным огнем и несколькими конгревовыми ракетами. Хивинцы, приведенные в ужас, бросились бежать. Тогда батыр Джан-Ходжа с 250 казаками переправился вплавь через реку, освободил Джан-калу и преследовал бегущих до Куван-Дарьи. Поспешное бегство своего отряда навело такой ужас на Хиву, что там уже ожидали прихода русских. Однако результаты поражения хивинцев ограничились только тем, что пленные казахи были освобождены и часть награбленного скота возвращена хозяевам. Последствия событий 23 августа 1847 г. могли бы быть гораздо значительнее, если бы река Сырдарья, считавшаяся в то время государственной границей, за которую запрещалось переходить, не удержала русских [21, с. 20].

Во второй половине ноября 1847 г. на Сырдарье появился новый отряд хивинцев численностью до 10 тыс. человек. Собираясь уничтожить русские укрепления, хивинцы хотели сначала разграбить казахов Джан-Ходжи. Они переправились через реку по льду в разных местах, выше и ниже Раима, проникнув партиями в пески Кара-Кума, разграбили множество дюрткаринских и чиклинских аулов, забрали в плен женщин. Эти партии хивинцев были разбиты отрядами русских казаков и солдат [21, с. 21].

Доводы Макшеева подтверждает российский военный исследователь Терентьев. Он пишет, что в деле борьбы с Хивой особенно отличился Джан-Ходжа Нурмухамедов, простой казах, батыр, управлявший родом кичкине-чиклинцев на Сырдарье и завоевавший у Хивы сперва крепость Баба-Джан, а потом, при содействии русских, и Джан-Кала. Однако Джан-Ходжу оклеветали султаны-правители, ненавидевшие батыров, вышедших из народа. Совершала ошибки и российская администрация. Так, сменивший Василия Перовского оренбургский военный губернатор Владимир Обручев вместо того, чтобы оставить присырдарьинских казахов в ведении Джан-Ходжи, подчинил их одному из перешедших на российскую службу султанов — Илекею Касымову. Джан-Ходжа, конечно, не покорился, его казахи тоже. Замена была весьма неудачна и привела впоследствии к немалым бедам, возбудив неудовольствие казахов, и без того страдавших от неурядиц и глухо роптавших от притеснения толмачей из низших инстанций русской администрации. Неудовольствия эти впоследствии приняли размеры открытого восстания, стоившего России немалых трудностей, а казахам — разорения. То же случилось и с другим батыром, Исетом Кутебаровым. Он просил разрешения кочевать в Мугоджарских горах, а ему дали Малые Барсуки; он просил, чтобы ему прислали пожалованную за борьбу с хивинцами золотую медаль, ему отвечали, что он должен прежде доказать свою преданность. Так восстановили против себя и этого влиятельного казаха [35, с. 205].

Заключение

Таким образом, первая половина XIX в. характеризуется наступательной политикой Российской империи на территории Младшего жуза. Россия переходит от защиты Оренбургской линии укреплений от нападений казахов к строительству крепостей на границе с Хивой. В Младшем жузе реализуется политика умиротворения казахской кочевой знати — султанов, а также руководителей родовых подразделений. Они включаются в чиновничье сословие империи, получают содержание, титулы и должности. В регионе

внедряются адаптированные к местным условиям нормы централизованного управления, что способствовало изживанию межплеменных столкновений, стабилизации внутривосполитической обстановки в Младшем жузе.

Удалось приступить и к решению застарелых проблем казахского общества — конфликтов из-за путей кочевания и разорительной баранты. Тем самым обеспечивалась безопасность российской караванной торговли между Оренбургской линией и Хивой. Таким образом, российская администрация действовала в интересах торгового капитала империи. Казахи включались в охрану русских торговых караванов, получая возможности для заработков.

Как свидетельствуют документы, в частности о миссии оренбургского казака Абубакирова, в изучаемое время российская администрация встречала поддержку казахских родовых подразделений, которые рассчитывали на ее помощь в противостоянии с Хивой. Русские и казахи вместе сражались против хищнической политики Хивы на территории Младшего жуза. Таким образом, имело место не только противостояние двух этносов, но и дружеские, союзнические отношения. Вместе с тем ошибки российской администрации, чрезмерное преувеличение ею роли султанского сословия в управлении регионом вели к новым конфликтам с батырами и руководителями родовых подразделений.

Восстание Кенесары Касымова поставило под угрозу планы российской администрации по обеспечению своих интересов в регионе. Важнейшей мерой по сохранению власти России в регионе в условиях противоборства с восставшими стало строительство укрепленных пунктов, крепостей в казахской степи. Вопрос о движущих причинах восстания К. Касымова остается одним из самых дискуссионных и эмоционально окрашенных. Если казахстанские историки однозначно расценивают его как национально-освободительную борьбу против колонизации, то российские историки указывают на внешнеполитические факторы — всестороннюю поддержку восстания Хивой, стремление Кенесары захватить территорию Коканда, что привело его к конфликту с киргизами и прекращению им борьбы с российской администрацией.

Список источников

1. Абдилдабекова А. М. Почему была табуирована история восстания Кенесары Касымова в советское время? // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 12 (150). История. Вып. 31. С. 138—144.
2. Абселемов С. А. Современная российская историография колонизации степного края во второй половине XIX — начале XX в. // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 452. С. 108—117. DOI: 10.17223/15617793/452/13.
3. Аристов Н. А. Усуни и кыргызы или кара-кыргызы. Очерки истории и быта населения западного Тянь-Шаня и исследования по его исторической географии. Бишкек : Илим, 2001. 582 с.
4. Бекмаханов Е. Казахстан в 20—40-е годы XIX века. Алма-Ата : Қазақ университеті, 1992. 206 с.
5. Государственный архив города Астаны (ГАГА). Ф. 430. Оп. 4. Д. 37.
6. ГАГА. Ф. 430. Оп. 4. Д. 38.
7. Галкин-Враской М. Н. Этнографические материалы по Средней Азии и Оренбургскому краю М. Н. Галкина. СПб. : Тип. Куколь-Яснопольского, 1867. 250 с.
8. Горбунова С. В. «К подначальству и правосудию нечувствительно привыкать будут»: участие казахов в работе Оренбургской пограничной комиссии (1799—1869 гг.) // Вестник Нижневартковского государственного университета. 2017. № 2. С. 85—91.
9. Дамешек Л. М., Дамешек И. Л. Сибирская реформа М. М. Сперанского 1822 г. как проявление принципов имперского регионализма // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 426. С. 88—93. DOI: 10.17223/15617793/426/10.
10. Зиновьев В. П. Межэтническое разделение труда в Азиатской России по данным переписи 1897 г. Томск : Изд-во Томского гос. ун-та, 2024. 210 с.
11. Исторический архив Омской области (ИАОО). Ф. 3. Оп. 1. Д. 1756.

12. ИАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 5682.
13. Избасарова Г. Б. «Утвержденное мнение Комитета азиатских дел относительно преобразования управления Оренбургским краем» 1824 года: подготовка реформы и ее реализация // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2016. № 4 (20). С. 108—118. URL: http://vestospu.ru/archive/2016/articles/11_20_2016.pdf.
14. Иванов П. П. Казахи и Кокандское ханство // Записки института востоковедения Академии наук СССР. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1939. Т. 7. С. 92—128.
15. История Казахстана в документах и материалах : Альманах. Вып. 3. Караганда : ПК «Экожан», 2013. 496 с.
16. Казанцев И. Описание киргиз-кайсаков. СПб. : Тип. Т-ва «Общественная польза», 1867. 102 с.
17. Касымбаев Ж. К. Ликвидация казахской государственности (первая половина XIX века) // Казахстан и мировое сообщество. 1996. № 4. С. 53—61.
18. Кусаинова Ж. Д. Национально-освободительное движение казахского народа под предводительством Кенесары Касымова: вопросы методологии изучения // Вестник Карагандинского университета. Сер. История. Философия. 2017. № 1 (85). С. 58—66.
19. Левшин А. И. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких орд и степей / под ред. М. К. Козыбаева. Алматы : Санат, 1996. 656 с.
20. Любичанковский С. В. Реляции О. А. Игельстрома в Государственный совет как исторический источник по проблеме интеграции казахских земель в состав Российской империи // Уральский исторический вестник. 2013. № 2 (39). С. 102—107.
21. Макшеев А. Путешествия по Киргизским степям и Туркестанскому краю. СПб. : Военная типография (в здании Главного Штаба), 1896. 257 с.
22. Материалы по истории политического строя Казахстана. Т. 1 / сост. М. Г. Масевич. Алма-Ата : Изд-во Академии наук Казахской ССР, 1960. 441 с.
23. Объединенный государственный архив Оренбургской области (ОГАОО). Ф. Ф-6. Оп. 10. Д. 110.
24. ОГАОО. Ф. Ф-6. Оп. 10. Д. 122.
25. ОГАОО. Ф. Ф-6. Оп. 10. Д. 133.
26. ОГАОО. Ф. Ф-6. Оп. 10. Д. 259.
27. ОГАОО. Ф. Ф-6. Оп. 10. Д. 3897.
28. ОГАОО. Ф. Ф-222. Оп. 1. Д. 11.
29. Рахимов Р. Н. Оренбургская и сибирские пограничные линии в XVIII — первой половине XIX в. как юго-восточный и восточный фронтиры России // Вестник Тамбовского университета. Сер. Гуманитарные науки. 2013. Вып. 10 (126). С. 104—112.
30. Ремнев А. В., Суворова Н. Г. Колонизация Азиатской России: имперские и национальные сценарии второй половины XIX — начала XX века. Омск : Наука, 2013. 248 с.
31. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 405. Оп. 6. Д. 1569.
32. Сатенова М. Р. Военные действия отрядов Кенесары Касымова на территории Старшего жуза и политика России // Электронный научный журнал «edu.e-history.kz». 2022. Т. 9, № 4 (32). С. 123—133. DOI: 10.51943/2710-3994_2022_32_4_123-133.
33. Середа Н. А. Бунт киргизского султана Кенесары Касымова. Ч. 1 (1838—1847) // Вестник Европы. СПб., 1870. Т. 4.
34. Сибирь в составе Российской империи / отв. ред. Л. М. Дамешек, А. В. Ремнев. М. : НЛО, 2007. 368 с.
35. Терентьев М. А. История завоевания Средней Азии. Т. 1. СПб. : Типо-лит. В. В. Комарова, 1906. 510 с.
36. Центральный государственный архив Республики Казахстан. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4347.

References

1. Abdildabekova A. M. Pochemu byla tabuirovana istoriya vosstaniya Kenesary Kasymova v sovetskoe vremya? [Why was the story of Kenesary Kasymov's uprising tabooed during Soviet times?]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2009, no. 12 (150). Istoriya, Is. 31, pp. 138—144. (In Russian)
2. Abseleymov S. A. Sovremennaya rossiiskaya istoriografiya kolonizatsii stepnogo kraia vo vtoroi polovine XIX — nachale XX v. [Modern Russian historiography of colonization of the Steppe region in the second half of the 19th — early 20th centuries]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta — Tomsk State University Journal*, 2020, no. 452, pp. 108—117. DOI: 10.17223/15617793/452/13. (In Russian)
3. Aristov N. A. *Usuni i kyrgyzy ili kara-kyrgyzy. Ocherki istorii i byta naseleniya zapadnogo Tyan'-Shanya i issledovaniya po ego istoricheskoi geografii* [Usuns and Kyrgyz or Kara-Kyrgyz. Essays on the history and life

of the population of the western Tien Shan and research on its historical geography]. Bishkek, Ilim Publ., 2001. 582 p. (In Russian)

4. Bekmakhanov E. *Kazakhstan v 20—40-e gody XIX veka* [Kazakhstan in the 20—40s of the XIX century]. Alma-Ata, Qazaq universiteti Publ., 1992. 206 p. (In Russian)

5. *Gosudarstvennyi arkhiv goroda Astany* [State Archives of Astana] (GAGA). F. 430. Op. 4. D. 37.

6. GAGA. F. 430. Op. 4. D. 38.

7. Galkin-Vraskoi M. N. *Etnograficheskie materialy po Srednei Azii i Orenburgskomu krayu* M. N. Galkina [M. N. Galkin's ethnographic materials on Central Asia and the Orenburg region]. St. Petersburg, Tip. Kukol'-Yasnopol'skogo Publ., 1867. 250 p. (In Russian)

8. Gorbunova S. V. "K podnachal'stvu i pravosudiyu nechuvstvitel'no privykat' budut": uchastie kazakhov v rabote Orenburgskoi pogranichnoi komissii (1799—1869 gg.) ["They will not suffer while habituating to subordination and justice": participation of the Kazakhs in the Orenburg boundary commission (1799—1869)]. *Vestnik Nizhnevartovskogo gosudarstvennogo universiteta — Bulletin of Nizhnevartovsk State University*, 2017, no. 2, pp. 85—91. (In Russian)

9. Dameshek L. M., Dameshek I. L. Sibirskaya reforma M. M. Speranskogo 1822 g. kak proyavlenie printsipov imperskogo regionalizma [Siberian reforms of 1822 by Speransky as a manifestation of the principles of imperial regionalism]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta — Tomsk State University Journal*, 2018, no. 426, pp. 88—93. DOI: 10.17223/15617793/426/10. (In Russian)

10. Zinov'ev V. P. *Mezhetnicheskoe razdelenie truda v Aziatskoi Rossii po dannym perepisi 1897 g.* [Interethnic division of labor in Asian Russia according to the 1897 census]. Tomsk, Tomskii gos. un-t Publ., 2024. 210 p. (In Russian)

11. *Istoricheskii arkhiv Omskoi oblasti* [Historical archive of the Omsk region] (IAOO). F. 3. Op. 1. D. 1756.

12. IAOO. F. 3. Op. 1. D. 5682.

13. Izbasarova G. B. "Utverzhdennoe mnenie Komiteta aziatskikh del otnositel'no preobrazovaniya upravleniya Orenburgskim kraem" 1824 goda: podgotovka reformy i ee realizatsiya ["The approved opinion of the Committee of Asian Affairs on the Orenburg region management transformation" in 1824: reform development and implementation]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Elektronnyi nauchnyi zhurnal — Vestnik of Orenburg State Pedagogical University. Electronic Scientific Journal*, 2016, no. 4 (20), pp. 108—118. Available at: http://vestospu.ru/archive/2016/articles/11_20_2016.pdf. (In Russian)

14. Ivanov P. P. *Kazakhi i Kokandskoe khanstvo* [Kazakhs and the Kokand Khanate]. *Zapiski instituta vostokovedeniya Akademii nauk SSSR* [Notes of the Institute of oriental studies of the USSR Academy of sciences]. Moscow, Leningrad, AN SSSR Publ., 1939, vol. 7, pp. 92—128. (In Russian)

15. *Istoriya Kazakhstana v dokumentakh i materialakh: Al'manakh. Vyp. 3* [History of Kazakhstan in documents and materials. Almanac. Iss. 3]. Karaganda, PK "Ekozhan" Publ., 2013. 496 p. (In Russian)

16. Kazantsev I. *Opisanie kirgiz-kaisak* [Description of the Kirghiz-Kaisak]. St. Petersburg, Tip. T-va "Obshchestvennaya pol'za" Publ., 1867. 102 p. (In Russian)

17. Kasyimbaev Zh. K. Likvidatsiya kazakhskoi gosudarstvennosti (pervaya polovina XIX veka) [Liquidation of Kazakh statehood (first half of the 19th century)]. *Kazakhstan i mirovye soobshchestvo*, 1996, no. 4, pp. 53—61. (In Russian)

18. Kusainova Zh. D. Natsional'no-osvoboditel'noe dvizhenie kazakhskogo naroda pod predvoditel'stvom Kenesary Kasymova: voprosy metodologii izucheniya [National liberation movement of the Kazakh people led by Kenesary Kasymov: issues of study methodology]. *Vestnik Karagandinskogo universiteta. Ser. Istoriya. Filosofiya — Bulletin of the Karaganda University. Ser. History. Philosophy*, 2017, no. 1 (85), pp. 58—66. (In Russian)

19. Levshin A. I. *Opisanie kirgiz-kazach'ikh, ili kirgiz-kaisatskikh ord i stepei* [Description of the Kirghiz-Cossack, or Kirghiz-Kaisak hordes and steppes]. Almaty, Sanat Publ., 1996. 656 p. (In Russian)

20. Lyubichankovskii S. V. Relyatsii O. A. Igel'stroma v Gosudarstvennyi sovet kak istoricheskii istochnik po probleme integratsii kazakhskikh zemel' v sostav Rossiiskoi imperii [O. A. Igelstrom's reports to the state council as a historical source on the problem of integration of Kazakh lands into the Russian Empire]. *Ural'skii istoricheskii vestnik — Ural Historical Journal*, 2013, no. 2 (39), pp. 102—107. (In Russian)

21. Maksheev A. *Puteshestviya po Kirgizskim stepyam i Turkestanskomu krayu* [Travels in the Kirghiz steppes and the Turkestan region]. St. Petersburg, Voennaya tipografiya (v zdanii Glavnogo Shtaba) Publ., 1896. 257 p. (In Russian)

22. *Materialy po istorii politicheskogo stroya Kazakhstana. T. 1* [Materials on the history of the political system of Kazakhstan. Vol. 1]. Alma-Ata, Akademii nauk Kazakhskoi SSR Publ., 1960. 441 p. (In Russian)

23. *Ob"edinennyy gosudarstvennyi arkhiv Orenburgskoi oblasti* [United State Archives of the Orenburg Region] (OGAOO). F. F-6. Op. 10. D. 110.

24. OGAOO. F. F-6. Op. 10. D. 122.

25. OGAAO. F. F-6. Op. 10. D. 133.
26. OGAAO. F. F-6. Op. 10. D. 259.
27. OGAAO. F. F-6. Op. 10. D. 3897.
28. OGAAO. F. F-222. Op. 1. D. 11.
29. Rakhimov R. N. Orenburgskaya i sibirskie pogranichnye linii v XVIII — pervoi polovine XIX v. kak yugo-vostochnyi i vostochnyi frontiry Rossii [Orenburg and Siberian boundary lines in 18th — first half 19th centuries as South-eastern and Eastern frontiers of Russia]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Ser. Gumanitarnye nauki — Tambov University Review. Ser. Humanities*, 2013, is. 10 (126), pp. 104—112. (In Russian)
30. Remnev A. V., Suvorova N. G. *Kolonizatsiya Aziatskoi Rossii: imperskie i natsional'nye stsennarii vtoroi poloviny XIX — nachala XX veka* [Colonization of Asian Russia: imperial and national scenarios of the second half of the 19th — early 20th century]. Omsk, Nauka Publ., 2013. 248 p. (In Russian)
31. *Rossiiskii gosudarstvennyi voenno-istoricheskii arkhiv* [Russian State Military Historical Archive]. F. 405. Op. 6. D. 1569.
32. Satenova M. R. Voennye deistviya otryadov Kenesary Kasymova na territorii Starshego zhuzha i politika Rossii [Military actions of Kenesary Kassymov's detachments on the territory of the Senior zhuz and the policy of Russia]. *Elektronnyi nauchnyi zhurnal «edu.e-history.kz»*, 2022, vol. 9, no. 4 (32), pp. 123—133. DOI: 10.51943/2710-3994_2022_32_4_123-133. (In Russian)
33. Sereda N. A. Bunt kirgizskogo sultana Kenesary Kasymova. Ch. 1 (1838—1847) [The revolt of the Kyrgyz sultan Kenesary Kasymov. Part 1 (1838—1847)]. *Vestnik Evropy*. St. Petersburg, 1870, vol. 4. (In Russian)
34. *Sibir' v sostave Rossiiskoi imperii* [Siberia as part of the Russian Empire]. Moscow, NLO Publ., 2007. 368 p. (In Russian)
35. Terent'ev M. A. *Istoriya zavoevaniya Srednei Azii. T. 1* [History of the conquest of Central Asia. Vol. 1]. St. Petersburg, Tipo-lit. V. V. Komarova Publ., 1906. 510 p. (In Russian)
36. *Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Kazakhstan* [Central State Archives of the Republic of Kazakhstan]. F. 4. Op. 1. D. 4347.

Информация об авторе

И. Р. Прохоров — кандидат исторических наук, научный сотрудник

Information about the author

I. R. Prokhorov — Candidate of Historical Sciences, Researcher

Статья поступила в редакцию 05.03.2025; одобрена после рецензирования 16.06.2025;
принята к публикации 20.08.2025

The article was submitted 05.03.2025; approved after reviewing 16.06.2025;
accepted for publication 20.08.2025